

Из школьной программы изъята поэма А.Блока «Двенадцать». Неуютно там Маяковскому. Горячие головы уже не прочь бороться с «культом» Булгакова, Цветаевой и Ахматовой...

Писатель и критик, автор многих книг («Время таланта», «Случай Мандельштама», «Случай Зощенко») считает, что прошлое нельзя перечеркивать. Надо переосмысливать его. Только что вышедшая в издательстве «Планета детей» книга Б.Сарнова «Опрокинутая купель» рекомендована в качестве пособия для учителей и учащихся старших классов.

Бенедикт САРНОВ: В новое время — с новыми мифами?

Известия. — 1997. — 24 окт. — с. 6

— «В новое время — с новыми мифами!» Что, по-вашему, лежит в основе этого поветрия? Русский революционный размах? Или, может быть, ген нигилизма заложен в самой человеческой природе?

— И то, и другое... А прежде всего — стремление наиболее простым способом решить весьма сложную задачу. Как говорил Сталин: «Нет человека, нет проблемы». Вместо того, чтобы понять сложную структуру гениальной поэмы Блока, проще взять да и выкинуть ее из школьной программы. Но главное все-таки не это. Старая морская команда «Поворот всем вдруг», примененная к оценке (переоценке) всех художественных явлений советской эпохи, — это всего лишь частный случай другой, более общей идеи, суть которой состоит в том, что семьдесят лет советской власти надо просто вычеркнуть из нашей истории, как будто их не было.

Каким-то загадочным образом, вследствие какого-то таинственного наваждения, какой-то чумной заразы страна в октябре 17-го года вдруг сбилась со своего естественного исторического пути. Дала какой-то противоестественный, жуткий зигзаг. И вот теперь все это надо забыть, как кошмарный сон. И начать с того самого момента, когда «нормальное» историческое развитие страны вдруг было нарушено. Восстановить разрушенный большевиками храм Христа Спасителя. Нацепить на полковничьи казачьи мундиры неведомо откуда взявшиеся георгиевские кресты. (Хорошо если припрятанные в дедовских сундуках, а то и откровенно бутафорские). Заменить политуров полковыми священниками, а «ленинскую комнату» или «красный уголок», или как там еще это назы-

валось, часовней... Я не шучу и даже не преувеличиваю.

Вот в Центре подготовки космонавтов введен ритуал благословения. Незадолго до старта батюшка окропляет святой водой экипаж корабля. Это взамен другой традиции, которая существовала в советские времена, — обязательного посещения перед стартом кабинета Ленина в Кремле. Если даже закрыть глаза на все комические, карикатурные формы этого «возрождения России», а рассмотреть эту концепцию всерьез, то окажется, что в ее основе — вера в то, что «Россия, которую мы потеряли», была наилучшей, лучшей страной.

— И кровавая буря 17-го года возникла не из самых ее недр, а налетела вдруг откуда-то извне, как иноземная чумная зараза? Исходя из этой концепции, следует пересмотреть и всю классическую русскую литературу?

— Да. И «положительным героем» объявить, скажем, Молчалина, а Чацкого разоблачить как безмозглого истерика и болтуна. Воплощением самых ценных национальных черт представить Обломова, а Базарова расклевать так, чтобы от него и мокрого места не осталось. Герцена изничтожить как большевика, а Щедрина — как русофоба.

— Не совсем понятно, каким образом этот «поворот всем вдруг» мог затронуть Цветаеву или Булгакова? Казалось бы, в этой новой ситуации они должны быть не ниспровергнуты, а, наоборот, подняты на пьедестал, противопоставлены прославляемым прежде Серафимовичу, Гладкову или Панферову.

— И тут у ниспровергателей, опрокидывающих нашу старую купель, есть своя логика. «Булгаков был блестящий антисоветский пи-

сатель, он талантливо разоблачал советскую власть. А теперь, когда советская власть рухнула, вместе с ней рухнул и Булгаков», — объявляет один. «Слава Цветаевой неправомерно велика; это во многом дутая, искусственно инспирируемая, сбивающая с толку затянущаяся мода...» — утверждает другой. И объясняет эту моду тем, что в такие эпохи, как наша, «возникает спрос на мучеников предыдущего режима». И вот вывод: «Должен быть разрушен лживый, удобный интеллигентский миф о «великолепной четверке» великих русских поэтов советского времени: Цветаева, Ахматова, Мандельштам и Пастернак...»

— Каков все-таки главный побудительный мотив всех этих разоблачений? Чем объясняется попытка сокрушить авторитет Ахматовой, предпринятая недавно литературоведом А.Жолковским в журнале «Звезда»?

— В основе, конечно, — комплекс Герострата. Это не столько проблема Ахматовой, сколько проблема самого Жолковского. Но не стоит оспаривать и тот очевидный факт, что и Булгаков, и Цветаева, и Ахматова, и Пастернак в силу некоторых — легко объяснимых — причин стали объектами самого что ни на есть доподлинного культа. Всякий культ раздражает. Но бороться с мифами можно только одним способом: поиском истины. В любом случае стремление к «демифологизации» грозит обернуться созданием другого, нового мифа, еще более злокачественного, чем прежний.

— Как я понимаю, вы не против радикального пересмотра старой, советской шкалы ценностей. Вы лишь против пере-хлестов?

— Дело не только в пере-хлестях.

Ведь ложь официального советского литературоведения состояла не только в перевернутой шкале ценностей, когда книги Серафимовича, Гладкова или Панферова объявлялись высшими достижениями русской литературы XX века, а Платонов, Зощенко, Ахматова, Пастернак упоминались в лучшем случае как фигуры третьестепенные, в худшем же — клеймились и разоблачались как враги. Кстати, эта официальная шкала ценностей тоже не была неподвижной. Она менялась. Так, например, гонимый и разоблачаемый в 30-е годы Есенин в 60-е и 70-е уже окончательно был причислен к когорте «колонновожатых» (был тогда такой дурацкий термин), то есть поставлен в один ряд с Горьким, Маяковским, Шолоховым и А.Н.Толстым. А в 20-е годы и Маяковский, и А.Н.Толстой, и даже Горький третиrowались как «попутчики». Шкала ценностей менялась постоянно, хотя и не так решительно, как сейчас. Нет, цель истинного пересмотра официальных советских концепций должна заключаться не в том, чтобы перевернуть старую пирамиду, поставить ее, так сказать, с головы на ноги. Главная цель такого пересмотра должна состоять в том, чтобы определить истинную, реальную шкалу ценностей не только в пределах всей литературной эпохи, а так сказать, в пределах творчества каждого писателя. Не просто задвинуть Горького и Маяковского «куда-нибудь на шажок», отдав принадлежавшее им раннее лидерство, скажем, Платонову и Мандельштаму. Не забывать о том, что, помимо художественного, художественно-убогого романа «Мать», считавшегося высшим художественным достижением «великого пролетарского писателя», Алексей Максимович создал такие замечательные вещи, как «Карамо-ру», «Из дневника», не говоря уже о

«Детстве», о пьесах, составивших целую эпоху в истории русского театра. Помните, что и Маяковский сочинял не только стихи «О вселении литейщика Ивана Козырева в новую квартиру» и им подобные. Что был он гениальным лириком, написавшим «Облако в штанах», «Флейту-позвоночник», «Море уходит вспять...»

— Как человеку, много лет исследовавшему жизнь и творчество Маяковского, вам ясно, почему он решился на самоубийство?

— Абсолютно ясно это не может быть никому. Была усталость, и ссора с друзьями, болезнь и одиночество, крушение «любимой лодки». И особый психический склад личности, издавна предполагавший такой конец: «А сердце рвется к выстрелу, а горло бредит бритвою...». «Все чаще думаю, не поставить ли лучше точку пули в моем конце...» Все это было. Но все это, конечно, не главное.

Вот первое газетное сообщение о самоубийстве Маяковского: «Предварительные данные следствия указывают, что самоубийство вызвано причинами чисто личного характера, не имеющими ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта». Как видите, уши торчат. Нет и не может быть никаких сомнений в том, что самоубийство Маяковского в первую очередь было вызвано именно общественными, политическими причинами. Шкловский рассказывал, что у Маяковского была любимая поговорка: «У вас хорошее настроение? Значит, у вас плохая информация». А вот что сказала по этому поводу Ахматова: «Он все понял раньше всех. Во всяком случае, раньше нас всех. Отсюда и такой конец».

— Вы сказали, что поэму Бло-

ка «Двенадцать» выкинули из школьной программы из-за неясной трактовки образа Христа в финале поэмы. А как вы относитесь к версии М.Волошина: двенадцать красногвардейцев не следуют за Христом, как двенадцать апостолов, а, наоборот, гонятся за ним, преследуют его?

— Догадка Волошина замечательна. И, в сущности, неопровержима. Но, как мне кажется, Волошин остановился на полпути. Да, они преследуют Христа. А он их осеняет, и благословляет, и ведет. Потому что в их безумии, в их маниакальности, в их одержимости живет и неиссякаемая жажда истины, и неистребимая вера в него. Они с бешеной яростью отринули Христа, но именно в этой иступленной ненависти к нему — их кровавая, нерасторжимая связь с ним. Они продолжают от него зависеть. И в конечном счете даже неважно, благословляет ли он их, или, наоборот, убегает от их яростного преследования: важно, что их зависимость от него, их связь с ним продолжается.

— Первого января 1936 года в газете «Известия» было опубликовано стихотворение Б. Пастернака «Мне по душе строптивый норов...», которым Борис Леонидович как бы присоединил свой голос к хору поэтических голо-сов, прославляющих Сталина: «А в эти дни на расстояньи, За древней каменной стеной, Живет не человек — деянье, Поступок ростом с шар земной...» и т.д. Что, на ваш взгляд, толкнуло его на этот шаг?

— В книге я говорю об этом подробно. Очень заинтересован был в том, чтобы Пастернак опубликовал в его газете что-нибудь в этом духе, тогдашний редактор «Известий» Бухарин. Хотел он при-

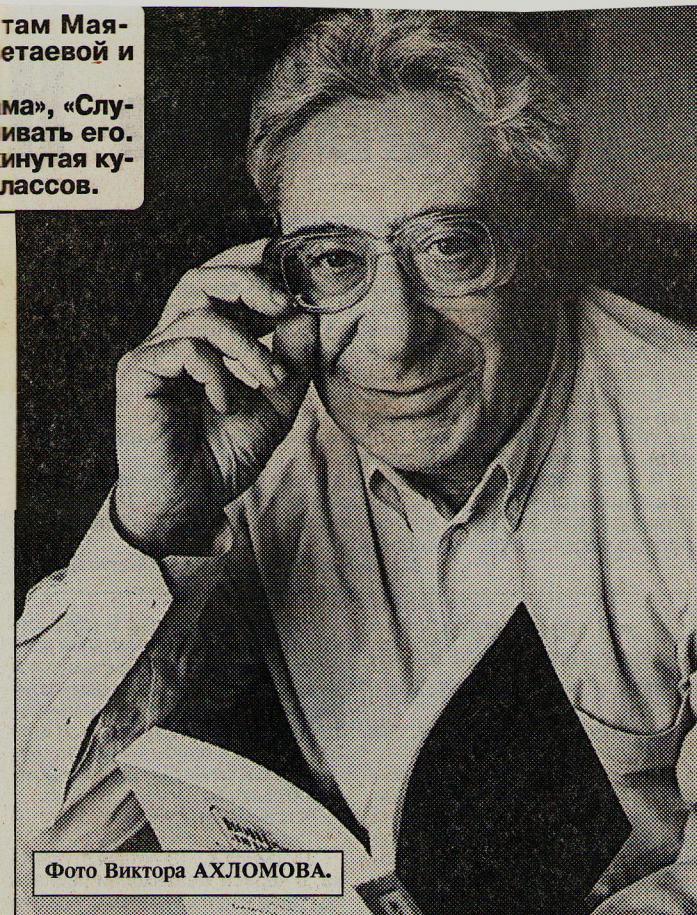

Фото Виктора АХЛОМОВА.

этом Пастернаку, разумеется, только добра. Не исключаю, что его «давление» сыграло тут известную роль. Но это, конечно, не главное. Борис Леонидович в то время искренне верил, что между ним и Сталиным существует какая-то таинственная, чуть ли не мистическая связь. Не сомневаясь в деспотической природе сталинской власти, он еще сохранял некоторые иллюзии — в духе знаменитых пушкинских строк: «Начало славных дней Петра мрачили мятежи и казни...».

— Даже вы, джентльмен в отечественном литературоведении, переходите на жесткий тон, когда речь заходит о гипотезах В.Непомнящего или Л.Сараскиной, прямо обвинившей И.Ильфа и Е.Петрова в обслуживании советского режима. Вы не прощаете коллегам их желания идти в ногу со временем?

— Самым страшным для критика свойством я считаю предвзятость, заранее заданную точку зрения, чем бы эта точка ни заказывалась: идеологией, модой, желанием приспособить свои оценки к представлению о том, «почем нынче ходят мертвые

души». Л.Н.Толстой записал однажды у себя в дневнике. Пришла к нему девушка, спрашивая, что ей делать, как жить. И, разговаривая с ней, он вдруг понял, что главное зло жизни в том, что люди живут не по совести, не по своей совести. Хотят жить по совести Христа, по совести Толстого, и, будучи не в силах жить по чужой совести, живут совсем без совести. Самое нужное людям, заключает Л.Н. эту свою запись, — это выработать себе свою совесть и жить по ней, а не так, чтобы брать себе за совесть чью-то чужую, недоступную и потом жить без совести и лгать, лгать, лгать, чтоб иметь вид живущего по избранной чужой совести.

То же относится и к искусству, к литературе. Главное зло в том, что люди ориентируются на чужой вкус. А надо доверять своему восприятию. Выработать свой вкус. Совершенствуя, развивая его, но не отказываясь от подлинных своих художественных симпатий и пристрастий, какими бы стыдными они тебе ни казались.

Наталья СЕЛИВАНОВА.